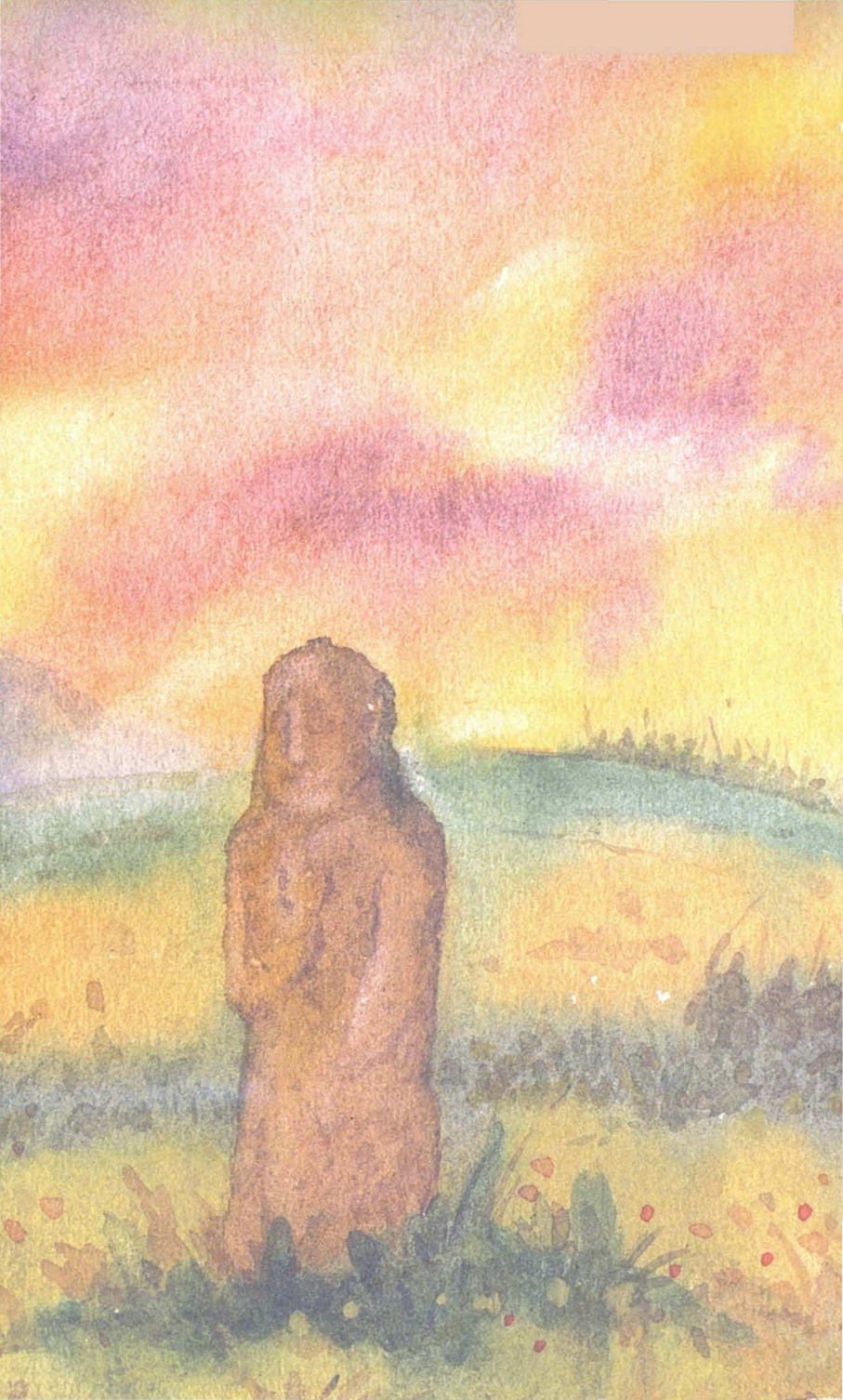

Кабдеш
ЖУМАДИЛОВ

КАБАНБАЙ
БАТЫР

Кабдеш
ЖУМАДИЛОВ

**КАБАНБАЙ
БАТЫР**

*Исторический роман-дилогия
Книга вторая*

"АУДАРМА" БАСПАСЫ
АСТАНА - 2006

ББК 84 Каз 7-44
Ж 78

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Жумадилов Кабдеш.

Ж 78 Кабанбай батыр. *Исторический роман-диалогия.*
Книга вторая. *Перевод с казахского З. Булановой.*
Астана: Аударма, 2006. – 504 стр.

ISBN 9965-18-164-0

Вторая книга народного писателя Казахстана, лауреата Государственной премии Кабдеша Жумадилова “Кабанбай батыр” повествует о жизни и боевом пути батыра, легендарного полководца Каракерей Кабанбая. Но писатель не ограничивается только описанием его судьбы. В романе широко отражена внутренняя и внешняя политика Орды хана Абылая, воссозданы судьбы и других выдающихся батыров, жырау, биев того периода. Словом, читателям представлена вековая летопись всего казахского народа.

ББК 84 Каз 7-44

ISBN 9965-18-164-0
ISBN 9965-18-104-7

© Жумадилов К., 2006.
© Издательство “Аударма”, 2006.
© ОО ХКГ Казахстана, 2006.

НАБЕГИ ШУРШИТОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАБЕГИ ШУРШИТОВ

I

Неотвратимо и величаво приближался рассвет. Где-то далеко на горизонте золотой стрелой забрезжила светлая полоска. Как раз в это время из белоснежной юрты, что возвышалась на почетном месте в стороне от котана¹, вышел Кабанбай батыр и не спеша направился к невысоким холмам, украшавшим степные просторы. Всюду уже хозяйничал май, тем не менее еще очень резко чувствовалась ночная и утренняя прохлада. По привычке, присущей кочевникам, Кабанбай любил встречать рассветы и радостно приветствовать каждый новый день, поднявшись на высоту. Он и сегодня пришел на привычное место и с нежностью смотрел на предрассветное марево и лежащую под голубым небесным шатром весеннюю степь, покрытую свежезеленой скатертью шелковистой травы.

“Ну вот, для всех живущих еще один новый день! — подумал он, не отрывая взгляда от горизонта, освещенного заревом первых лучей встающего солнца. — Только почему-то в последнее время рассветы полыхают, словно пламя. Неужели это предзнаменование чего-то плохого? А может быть, даже предстоящих кровопролитий?”

И без того крупный, на этой горе и в наброшенном на плечи чекпене² он выглядел еще выше и величественней. Где-то там, внизу, медленно просыпался аул. Разбрелись по свежей траве овцы, напоминая издали белые кораллы на зеленом полотне. Зашевелились и безмолвно лежавшие всю ночь телята. Места их привязи отведены в ложбины, подальше от юрт, чтобы окрестности аула не были помечены коровьими лепешками. А вот лошадей здесь не

¹ Котан — место для ночлега овец.

² Чекпен — теплая одежда из верблюжьей шерсти.

было. В весеннюю пору их угоняют на пастбища. Там, на степных просторах, они вольно жируют, набирая в силе и в весе. А рядом, под рукою, остаются только рабочие, подручные, да привыкшие ходить под седлом лошади.

Стреноженные, они пасутся недалеко, до нужного часа. Вскоре то здесь, то там засуетились, открывая тундыки¹. Женщины в белых кимешеках – нарядных головных уборах. И от небольших печей, вырытых в земле, заструились, уплывая ввысь, ровные струйки дыма. В эти минуты восток заалел еще сильнее, и вдруг из-за одной из вершин Барлыкских гор, словно тетива лука, показалась строго выгнутая кромка ослепительно-яркого солнца. Всего лишь один миг, и вот уже вся округа засветилась, заиграла в его лучах, словно чья-то щедрая рука разбросала пригоршни горящих углей. Все вокруг погрузилось в какой-то сказочный мир. Степь будто только и ждала этих светлых и ярких минут. Стряхнув зимнюю промозглость, она взмахом крыла открыла свои сундуки и в мгновение ока приделалась в зеленый атласный наряд.

Окинув взглядом округу, Кабанбай еще раз, насколько хватило глаз, оглядел запад и восток: не покажется ли какой путник, не запылится ли дорога. Затем опустился на свежую мягкую зелень, смешанную с сухой прошлогодней травой. Присаживаясь, отметил предательскую усталость в ногах. А что? Нынче батыру – шестьдесят первый год. И хотя он мужественно старался не замечать свой возраст, а шестьдесят, оказывается, не такая уж и легкая ноша. Но, может, это вовсе и не возраст? Может, просто сказываются долгие походы, результат переходов и ночлегов, когда рады были отдыху даже на снегу или льдах... Теперь вот то поясницу ломит, то ноги сводит. Слава богу, здоровье не подвело раньше, когда он, возглавив с боевыми друзьями батырами освободительное движение, пошел против джунгар, сгоняя их с родной земли. Почти три года прошло с того памятного времени, как сбылась вековая мечта казахов! И вот ведь какое совпадение: тот счастливый для всего народа год был оповещен криком петуха. На смену

¹ Тундык – верхний полог юрты для пропуска света.

ему пришел не менее благоприятный год Собаки, после которого проскочил год Свиньи, а теперь вот подоспел и неспокойный 1756 год – год Мыши.

Довольно спокойны были эти два года для казахов, если не считать того, что, оказывая помощь Амирсане, казахские тумыны, неожиданно обрушившись на ойратские курени, разгромили их. В течение этих двух лет казахи были заняты переселением на восток. Буквально в прошлом году множество аулов Кереев и Найманов заселились в верховьях Иртыша: Маныраке, Зайсане и окрестностях Маркаколя. Свободно расселились, прибыв в Лепсы, Аксу и Каратальский край, роды Матай, Садыр и Жалайыр из Жетысу. А племена Старшего жуза – Албан, Суан, Шапырашты и Дулат – продвинулись на освобожденные земли в междуречье Таласа и Чу, уверенно обживая свои прежние надельные склоны Алатау. Правда, еще в те смутные времена киргизы заселили незначительную часть территории в Илийских краях – Нарынколь и Кеген. В остальном же роды Старшего жуза ни в чем не проиграли.

Определились и аулы Кабанбая. Продвигаясь вдоль Баркытбельских гор, они уже года два занимают западные склоны Барлыка. Прибыв на свои родные земли, народ воспрял духом, окунувшись в быт и хозяйственные дела. В зимнее время люди выгоняют скот через песчаные перекаты на заросшие камышом земли между Алаколем и Катынсу. А с приходом тепла, пройдя вдоль рек Эмель и Шагантогай, они перебираются на склоны Барлыка, где и проводят все остальное время. С правого крыла на южных склонах Баркытбеля, заселяются Тортубылы. А с левого, вокруг озера Алаколь, вплоть до гор Токта – аулы родов Тума, Токпак, Жанбыршы...

Вдруг, словно что-то вспомнив, батыр резко обернулся назад, бросив взгляд на водную гладь озера, видневшуюся в пяти, шести километрах. О, господи! Широкая зеркальная поверхность, казалось, плескалась почти у самых ног. А ведь было время, когда все эти места оставались для казахов всего лишь заветной мечтой. Вдоль горизонта, вместе с поднимавшимся солнцем, ширясь и алея, расплывалось зарево, играя на поверхности озера золотыми россыпями.

Каждый раз при виде Алаколя душа батыра радовалась и успокаивалась, будто находила для себя нечто незаменимое. Но в этот раз почему-то ничего подобного не произошло – туча грусти так и не рассеялась. “Апыр-ай, как хорошо, что мы освободили эти края на каких-то два-три года раньше! А промедли немного, упустили бы все. И могли еще угодить в пасть дракону вместе с джунгарами! – подумал он взволнованно. – Родная земля, она всегда дорога сердцу. А та, что досталась через долгие сорок лет ценою крови и пота, дороже вдвойне. И не дай бог, если вражья нога вновь ступит сюда. Теперь не то что к земле, даже к камню, малой веточке не дадим прикоснуться...”

Мысли батыра были неожиданно прерваны ржанием пригнанных с выпасов лошадей да криками табунщиков. А кони-то! Один лучше другого, как на подбор. И все из косяка, что находился под специальным присмотром. Не без удовольствия батыр издалека отметил взглядом своего Кубаса, возвышавшегося среди множества других скакунов. Сидя на том же месте, он с высоты холма видел, как, выбежав из юрты, Шагалак привечал вернувшееся на подворье животное. Набросив на него уздечку, повел к коновязи, то и дело похлопывая по крупу, да поглаживая хвост и гриву. Кабанбай знал, что Шагалак для любимого коня заранее припас в кожаном бурдюке утреннюю долю кобыльего молока. Это была норма коня на весь день. Теперь можно седлать его и спокойно ехать хоть на край света... Кстати, в этот раз Кубаса, действительно, ожидает дальняя дорога. Нынче старшему Сардару нужно поехать в Каркаралы на совет хана.

Хоть и были последние два-три года достаточно спокойны, тем не менее тень какой-то неясной тревоги, незримо присутствуя, беспокоила людей. Поэтому приходилось запастись оружием и держать коней под седлом. Днем и ночью на горных вершинах дозорные несут караульную службу. И в этот раз народ с беспокойством оглядывается на восток. Но враг у казахов уже не тот, к которому они привыкли и кого годами изучали. Казухам, правда, пока еще не довелось видеть их, но наслышаны

они об армии Шынманшына и Шуршита уже достаточно... Долгие годы сражались сарбазы с ордой ойратов. И в конце концов победили! Но настоящей радости еще не ощутили. Рискинув, сунули голову в пекло, как бы теперь благополучно вытащить ее оттуда. Эти нехристи, даже погибая, очернили казахов, оставив на их совести кровь павших и возложив всю вину за произошедшее. А причиной тому – все те же выходки Амирсаны, вызванные его недовольством и упрямством. Как будто бы мало той многолетней войны с ойратами, что взбудоражила, истоптала и безжалостно ранила казахскую степь. Нынче он привел за собой китайские войска.

В результате борьбы за трон жадных до власти тайджи стерто с лица земли Джунгарское ханство. Дружбы и союза Дабашы и Амирсаны, когда-то неразлучных друзей, совместно прошедших немало военных дорог, захвативших трон Джунгарии, не хватило и на год. Недолгой была и радость вновь вернувшегося к власти Дабашы. Весна 1754 года стала для них той разделительной межой и точкой отсчета, от которой оба разошлись лютыми врагами. Да, если бы нояны враждовали только между собой, а то ведь какие кровопролития устроили. И это было на руку кормившимся вокруг орды прихвостням. Зная об отношениях между двумя ноями, они использовали обстановку в своих интересах и разожгли пожар, жадный огонь которого охватил всю джунгарскую степь. Незадолго до этого Дабашы, занявший трон ойратов, находился в Илийских краях, а Амирсана захватил северные аймаки. Все выглядело мирно и благонадежно, ведь и делить им, действительно, было нечего. Но это лишь внешне, для чужого, неосведомленного взгляда со стороны. Какими бы друзьями они ни были, а червь зависти неумолимо подтачивал душу Амирсаны. “Почему же на троне до сих пор не я!” – с завистью спрашивал он самого себя. Черное чувство зависти вчерашнего союзника не были секретом и для Дабашы. Поэтому они оба, даже случайно оставшись наедине, не спускали друг с друга пытливых, настороженных глаз, а руки невольно нащупывали рукояти кинжалов.

В такой тревожной и недоброй обстановке года два назад, на Или был созван всеобщий курылтай ойратов. Прибыл на

него, естественно и Амирсана. Да не просто прибыл, а прихватил с собою около пяти тысяч воинов, чтобы при необходимости направить их на подавление восстания в Кашгарии. Но визири и советники донесли это до контайджи в другом виде. “Амирсана неспроста прибыл сюда с войском специально обученных воинов. Используя малейшую возможность, он убьет тебя и захватит орду”, – нашептывали они Дабашы и достигли желаемого результата. Давно замечавший неприязнь друга, но все же сомневавшийся, контайджи поверил слухам. Страх взял над ним верх, и он, недолго думая, тут же отдал приказ: срочно схватить Амирсану. Но люди успели предупредить своего нояна. Приняв все меры предосторожности, он темной ночью тайно покинул орду.

С тех пор Джунгария, разделившись на две части, все лето воевала между собою. Основную поддержку хозяину трона оказывали тайджи и зайсаны. А на сторону Амирсаны перешли все, кто затаил обиду на орду. Но и месяца не прошло, как оба они направили послов к Абылаю. Каждый, оправдывая себя, обливал грязью другого, но и тот, и другой одновременно просили помощи у казахов.

Теперь перед Казахской ордой возникла проблема: кого из них поддержать? Законного контайджи – Дабашы, которого несколько лет назад они сами посадили на ханский трон? Или выйти на сторону Амирсаны, где сил меньше, а несправедливых притеснений больше? Этими вопросами и были озадачены в эти дни сам Абылай, батыры и би. Если Дабашы победит и в этот раз, рассуждали они, то при его властолюбии он все приберет к своим рукам. Укрепив войско, он со временем может обрушиться и на самих казахов. В нем живет дерзость его дальнего предка Батур контайджи и деда Серен Дондобы. Что касается Амирсаны, так это племянник хана. Тем более он – анда, а это значит, почти брат Абылая, так как их дружбу объединяет клятва. А казахско-калмыкские законы дружбы не допускают предательства. В подобных случаях не лишне прислушаться и к мнению большинства. Поэтому Абылай срочно созвал малый Совет хана и вынес проблему на обсуждение батыров. Им, конечно, был на руку внутренний раскол орды

ойратов. Но никто из них не желал становиться на сторону одного из ноянов и ради кого-то вновь отправляться в пекло войны. Ведь они еще толком не насладились воздухом победы и только-только начинали обустраиваться, расширяя свои пастбища, обживая новые места.

Одним из беспристрастных сторонников этого был сам Кабанбай. Несмотря на то, что Абылай тревожился, не находя выхода из стоящей перед ним проблемы, батыр не стал кривить душой и враз выложил все, что думает по этому поводу:

– Было время, когда нужда заставила Дабашы и Амирсану обратиться за помощью к казахам. И мы помогли им, следуя мудрости, что “воробей, спрятавшийся в кустах, может спастись и на ее веточке”. И мы не просто приютили их. Ценою жизни людей и немалого риска помогли им осуществить мечты, отвоевали и передали в их руки трон, власть. Большой товарищеский долг Казахская Орда выполнила сполна! Разве не так?! – произнес он и обернулся к Абылаю. – Мой повелитель! Если Амирсана для тебя – анда, то для меня – сват. Но я прошу именно сейчас не вмешиваться в их дела! Раз не вошли головы двух кошкаргов в один казан, то пусть они еще немного пободаются. А когда, обессилев, устанут, нам не трудно будет добить их одним ударом!

Услышав мнение Кабанбая, многие батыры, жаждущие боя и предвкушавшие добычу, тут же остепенились и перешли на его сторону. И, если бы не сам Дабашы, перортивший все дело, Казахская орда действительно осталась бы в этот раз не причастной к внутренним делам Джунгарии. Еще не закончился совет, как от жалайыровца Бекельды бия прибыл гонец с неприятной вестью. Несколько дней назад от джунгарской границы отъехало пятитысячное войско, которое обрушилось на аулы Старшего жуза, расположенные на побережье Или и Карагала. Разорив селения, изрубив мирных жителей, оно угнало весь скот. По всей вероятности, это был не только канриз, но и угроза со стороны Дабашы. Он вроде бы предупреждал казахов: “Вот так, дескать, будет со всеми вами, если надумаете поддержать Амирсану”. Но, как бы

там ни было, а Абылай не хотел терять связь с Джунгарией. Он решил, во что бы то ни стало, не пускать их дел на самотек, а прибрав к рукам, самому распорядиться ситуацией. Да, было бы, как говорится, желание, а дело всегда найдется. Итак, Казахская орда будет втянута еще в одно кровавое сражение. Наконец-то определившийся Абылай неожиданно обнаружил: джигиты, не далее как вчера отговаривавшие его от войны, узнав о зверствах войска Дабашы, теперь рвали и метали, обуреваемые жадной мести.

Но объявлять массовую тревогу не стали: организовали отряд добровольцев, желающих помочь Амирсане, а заодно жаждущих поживиться. Таковых оказалось немало. Очень скоро прибывшие отовсюду сарбазы образовали тумен воинов. Но Кабанбай в их состав не входил. Специально отобранное войско под командованием Малайсары, Кокжал Барака, Баймурата, Баяна, Олжабая и Шынкожи батыров Абылай лично сам проводил через Джунгарские ворота, пожелав им на прощание успехов.

А в это время в окрестностях Буратолы, Жыргалана уже шли кровопролитные бои. Удар в спину всегда имел преимущество. Именно этот прием и решили использовать сарбазы. Выйдя напрямую к Буратоле и обойдя войско контайджи с тыла, ударили прямо в место скопления воинов, удачно вызволив из окружения Амирсану, дни и часы которого уже были сочтены... После этого сражения по просьбе Амирсаны казахское войско разделили на две части. Три тысячи сарбазов под командованием Кокжал Барака, Баймурата и Шынкожи направились в северную сторону, чтобы осадить поднявшихся на побережье Эмеля дурбитов. Основное же войско под руководством Малайсары, Баяна и Олжабая осталось воевать с отрядом Дабашы. Вытеснив его через Талкинскую расщелину, преследовали ойратов вплоть до Коргаса и Кульджи. И если бы только Амирсана до конца продержался вместе с казахским войском, то явно взял бы верх над Дабашы. Люди уже открыто поговаривали о том, что “Контайджи слаб и больше одного сражения не выдержит. Остались считанные дни, и Амирсана скоро займет трон ойратов”.

Но именно в эти дни Амирсана удивляет казахов и калмыков неожиданной выходкой. Надумав организовать дополнительное войско, он вышел на оставшегося в Буратоле тайджи хойтов. И, отобрав около пятисот самых лучших и надежных нукеров, с родными и близкими отправился в Калка-Монголию. От удивления никто ничего не мог сказать. Дерзость Амирсаны поразила всех. Он свел пришедшее ему на помощь казахское войско со своим кровным врагом и в то же время сам спокойно вышел из игры. Интересно... Но теперь и сарбазам нечего было делать в Джунгарии. Да к тому же и осень подошла с холодами и ненастьем. Собираясь в обратный путь, войско под командованием Малайсары и Баяна свернуло в сторону Суйдына. Там оно, окончательно разбив калмыков, захватило несметное богатство и все припасы контайджи...

Вскоре стало известно, что в Калка-Монголии Амирсана пробыл недолго. Оттуда он перебрался в Китай. Но и этим не ограничился, а замахнулся еще дальше, оставив позади его столицу – Бежин. Кабанбай никогда не мог понять этого ойратского нояна. Не сумел разгадать его замысла и нынче. “Эту загадочную душу может знать только Абылай. Без ведома хана он на такой шаг не решится”, – поговаривали вокруг. Но буквально и года не прошло, как секрет Амирсаны был раскрыт. Сам же Кабанбай узнал о подробностях от своего свата Банжыра...

Амирсана рискнул, но не от того, что разуверился или разочаровался в казахах, и не потому, что оказался слабее соперника – Дабашы. Этот загадочный план был разработан, действительно, с прицелом на далекое будущее. Казахской стороне было известно о том, что император Маншынов – Цяньлунь хотел прибрать к рукам давно приглянувшиеся ему на западе два лакомых кусочка: орду ойратов и зависимых от нее уйгуров Кашгарии. Поэтому последние несколько лет он регулярно подтягивал войска в окрестности Кумыла и Барколя. Не было тайной и то, что этот сильный сосед и не помышлял о каком-либо перемирии и ином решении вопроса. Он жаждал только военного вмешательства. Только тут стало понятно, почему год назад китайский император не принял послов,

вернув их прямо от границы, и не внял заверениям в том, что “не мешало бы, дескать, наладить торговые связи между двумя народами и жить по-соседски, в мире и согласии”. Орда ойратов уже была оповещена о том, что будущей весной планируется крупное наступление на Джунгарию и готовится девяностотысячное войско из числа манжу, монголов и китайцев. И все знали, что противостоять такой силе, да еще вооруженной огнестрельным оружием, пушками, Джунгария просто не сможет, какой бы хан ни стоял здесь у власти. С помощью казахского войска Амирсана сумел бы один раз одолеть Дабашы. Но как ему быть со следовавшей по пятам сокрушительной силой, что надвигается на Джунгарию с востока? Занять трон и тут же обгадить руки кровью или, хуже того, остаться на острие копья?

Предусмотревший все это заранее, Амирсана решил обхитрить всех, обойдя стороной беду, грозившую орде. Подвернулся самый лучший для этого вариант – пользуясь смутой и переполохом в Джунгарии, заранее перейти китайскую границу. Тем более, он предвидел, что стоявшие у власти Маншыны не должны отвернуться от ойратского тайджи, который, пренебрегая всем и вся, переходит на их сторону. Предусмотрительный Амирсана не исключал и того, что он еще будет нужен китайцам. Ведь он – не простая птица и не какой-то рядовой тайджи, а племянник самого хана, человек, имеющий виды на ойратский трон. К тому же всему миру известно, что он из-за этого долгое время воевал с Ламой Доржи, а теперь вот скрестил сабли с Дабашы. Аппелируя этими фактами, он открывает для себя возможность спокойно прийти к императору Цяньлуню. “Вот, так и так, – скажет, – пришел к тебе за помощью”. А еще он скажет: “Без лишних затрат и кровопролития я помогу тебе покорить Джунгарию. А ты обещаешь осуществить мою давнюю мечту – занять трон ойратов”... Император Маншын, конечно же, не упустит возможности легко и просто заполучить в свои руки этих дерзких и непокорных кочевников, за которыми охотится вот уже несколько лет. Поэтому не отвергнет его просьбу. Да к тому же не исчезла же с лица земли и вошедшая ему

в подданство Калка-Монголия. Главное – занять трон. А дальше – время рассудит.

Вот так, разложив все по полочкам и надеясь одним выстрелом убить сразу двух зайцев, Амурсана не посчитал нужным задерживаться здесь и, с наступлением осени, выехал в дальнюю и рискованную поездку. Надежда не обманула его. Император Цяньлунь, действительно, встретил тайджи с распростертыми объятиями, соблюдая все правила гостеприимства: торжественное застолье, уважение и почет, подарки и преподношения... В завершение всего он официально был провозглашен уаном¹! Здесь Амурсана еще раз убедился, что против Джунгарии собирается сокрушительная сила – сто-тысячное войско. Главнокомандующим был назначен генерал Банди, а должность его заместителя досталась Амурсане. Что еще нужно бежавшему тайджи и какой еще нужен был авторитет и признание?! Недолго думая, в марте 1755 года войско Маншын, разделившись на южный и северный фронты, выступило в западном направлении. Войско южного маршрута под командованием генерала Банди через Барколь, Урумчи, подножье Ерентауских гор, продвигалось прямо к Или. Вторая же половина, выйдя из Калка-Монголии и оставив позади Кобду, Алтай, по Сауырским склонам спешило на побережье Эмея. Тем самым они планировали мертвой хваткой взять в кольцо орду ойратов. Амурсана же, с отрядом ертауылов, исполнял роль проводника.

Главнокомандующие же Маншын и сами знали немало. Долгие годы готовясь к наступлению, они хорошо изучили местность и даже нанесли на карту каждую горную вершину этого края, отметили каждый родник. Но, к сожалению, им не удалось насладиться результатами долгой и тщательной подготовки. Войско Маншын легко и беспрепятственно прошло через всю джунгарскую степь и в первых числах мая оба фланга, как и было условлено, встретились на побережье Или.

¹ Уан – китайский князь, губернатор.

Потерявший к тому времени авторитет, Дабашы уже не пользовался доверием окружающих. Поэтому он не сумел собрать единое войско и дать отпор или хотя бы оказать противнику мало-мальское сопротивление. Народ, увидевший бессилие самого контайджи, тоже пал духом. Уставший, истерзанный бесконечными распрями, он так и не поднялся на борьбу. Легкому и быстрому завершению сражения способствовало еще и то, что армия только считалась китайской. В ее составе были в основном ойраты из Калка-Монголии, Кокнора, единые в вере и языке. И во главе их стояли знакомые всем и не далее как вчера покинувшие их нояны Амирсана, Сарал, Серен Даны. Признанный за границей Амирсана, прибыв сюда, тут же сбросил подаренные императором одежды и, переселившись в калмыкские, взял в руки ойратское знамя, украшенное кисточками из конского волоса. Ведь еще будучи на подступах к Джунгарии он определил свою цель: “Свергнуть Дабашы, не обидев и не тронув мирное население”.

Уставшие от присвешенной назойливости Дабашы, тайджи и зайсаны были приятно удивлены дружеским отношением армии Маншын к народу Джунгарии. Расположенные ближе к противнику, они теперь, недолго думая, перешли на сторону Амирсаны и Сарала. Что оставалось контайджи, не имевшему какой-либо поддержки? Прихватив тысячу сарбазов, Дабашы решил скрыться в Текесе, но, обнаруженный в первом же бою, проиграл. Однако спасся, бежав в южном направлении. Далеко же уйти не довелось. На горном перевале Музгау его перехватывает аким Аксу Курбан-кожа и за хорошую цену продает маншынскому генералу. И так, последний контайджи ойратской орды был переправлен в Бежин. Здесь он несколько дней демонстрировался всем, как на выставке, затем был безжалостно казнен.

Захватив Джунгарию, многотысячное войско Маншын задержалось здесь почти на месяц. Постепенно осмотревшись, нояны поняли, что находиться в таком отдалении – мало пользы, да и не выгодно. Поэтому в конце июня они засобирались обратно. Но по пути следования в городах-

пикетах – Урумчи, Кульджа, Буратола, Харсун и Дорбилжин – оставили дозорные группы из числа монголов, шахар, сыбсаланов. Единственное, о чем сожалел Амирсана, так это о том, что и на этот раз его и давнишняя мечта – занять трон ойратов, вновь не осуществилась. А в планах императора Цяньлуня этого и не было. Он просто поддержал джунгарского тайджи, используя его в своих интересах. Ведь он даже мысленно не допускал того, чтобы, объединив орду ойратов, создать единое, крепкое ханство. Тем более, что в коржуне полководца хранился, дожидаясь своего часа, подписанный и заверенный печатью, приказ императора. Генерал Банди до последнего хранил этот секретный документ и обнародовал его только после того, как прибрали к рукам Джунгарию. В нем открыто говорилось о том, что орда ойратов принадлежит теперь императору. Кроме того, извещал он, шорысы, хойты, дурбиты и хошауыты разделятся на отдельные улысы, после чего каждый будет подчиняться своему тайджи. Они же в свою очередь обязаны преклоняться жаньжунскому генерал-губернатору в Кульдже. Амирсане при всех его стараниях досталась должность тайджи... Не больше. Он понял, что был понижен в звании и лишился даже того, что имел раньше. Если до этого он владел территорией Алтая и почти всеми северными аймаками вместе с Тарбагатаем, то теперь в его руках осталась крохотная Буратола... Бедный Амирсана, ему вновь не везло. О каком троне можно говорить, если само ханство пошло прахом и народ его напрочь утратил свое лицо и статус самостоятельности.

В это самое время к Абылаю от Жаньжуна из Кульджи прибыл специальный посол с обращением императора Цяньлуня к Казахской орде. Было видно, что представители власти Маншын, с помощью перешедших на их сторону ойратских тайджи, прекрасно изучили казахов. Они уже знали, что представляют из себя казахи, в каких отношениях были все эти годы с джунгарами. В послании императора, на первый взгляд, все выглядело легко и просто. Но за каждым словом таились обременительная тяжесть и навязчивость, глубокая мысль с дальним прицелом.

“Вы, казахи, на протяжении многих лет враждовали с ордой ойратов, – говорилось в письме. – Воевали с Дабашы даже тогда, когда армия нашего великого Каганата пошла в наступление на Джунгарию. Теперь мы смело берем на себя право сказать, что утомило того непокорного контайджи наше войско. Сегодня ойраты – наши покорные рабы. И мы обещаем вам, что они никогда не нарушат ваш покой... Если же еще вы примете наше подданство, то тем более будете окружены вниманием. Кроме того, гарантируем вам всяческое благополучие. Но мы не будем против, если вы пожелаете сохранить свою самостоятельность. Только не нарушайте границы. В противном случае мы вынуждены будем ввести войско и применить силу”.

Но казахская сторона и без этого сообщения уже знала о падении Джунгарии и ее подчинении другой власти. Письмо Еженхана только подтвердило это. Какое-то время казахи перестали даже приближаться к джунгарской границе, присматриваясь к новым соседям. Но в середине августа всех поразила неожиданная весть: Амирсана вновь поднялся против ханства Маншын!

А события развивались следующим образом. Хоть Амирсана и привел армию Маншын в Джунгарию, у него были свои планы и расчеты. Еще в начале пути он заметил нечестные выходы и лицемерие генерала Банди и его предвзятое, холодное отношение к себе. Тогда-то и закралось сомнение в его душу. Тяжело переживал он, наблюдая насилие и издевательства чиновников Маншын над мирным населением. Нелегко ему было видеть, как они на лошадях врываются в калмыкские святыне места поклонения Всевышнему – куре. Он даже нашел возможность изложить все это в письме и передать императору Цяньлуню...

Но Амирсана очень жестоко поплатился за свое доверие и страшно расстроился, убедившись, что его не только обманули, но еще и наказали. Мечты о престоле превратились в пепел. Джунгария же была растерзана на кусочки и брошена на произвол судьбы. Хотя внешне Амирсана не проявил тревоги, в глубине его души уже

тлеет огонек мести, который разгорался все ярче и жарче. Днем и ночью не сводивший глаз с Амирсаны, следивший за каждым его движением, генерал Банди не мог не заметить состояния нояна. Он уже предчувствовал беду, заранее зная, что со свержением ойратского ханства, Амирсана никогда не смирится. В секретном решении императора было сказано, что непокорная голова джунгарского тайджи в первые же дни по прибытии сюда должна быть отрублена. Но генерал Банди, видя, что Амирсана ведет себя независимо, а порою даже допускает непослушание, не рискнул поднять на него руку. Авторитет нояна среди окружавших его калмыков еще сохранился. Поэтому он под строжайшим контролем переправил в Бежин императору Цяньлуню письмо со следующим текстом: “Казнить тайджи здесь, на месте, чревато последствиями. Лучше я отправлю его в столицу, обманув, что ему необходимо быть на торжестве по случаю победы. А там разберетесь с предателем как-нибудь сами”. Амирсана был не прочь выехать в город. Он даже обрадовался, что там, с глазу на глаз сможет поговорить с императором и, даст бог, может быть, даже поправит положение ойратской орды.

Но судьба распорядилась иначе, и Амирсане еще долгих два года не суждено было попасть в Бежин. Благополучно выехав из Или, он уже подъезжал к Урумчи, как один доброжелатель успел предупредить его о поджидавшей гибели. И без того измотанный событиями последних лет, обиженный и жестоко побитый судьбой, услышав о страшном сообщении, он уподобился раненому тигру, в ярости рвущемуся из сетей. В тот же вечер он хладнокровно перерезал всех до единого приставленных к нему прислужников Манжуна, на другой же день, словно одержимый, оседлав коня, пустился в путь. Несмотря на то, что жизнь всячески испытывала Амирсану и бросала его в различные передраги, сторонников у него было немало, и к слову нояна Джунгарии прислушивались. Тайджи и зайсаны, а в особенности ламы затаили глубокую обиду и выражали явное недовольство властям Маншын по поводу самовольного роспуска орды ойратов. И, увидев в

Амирсане союзника, многие из них объединились вокруг него в первый же день.

Обстановка была настолько накаленной и угрожающей, что напоминала сухой камыш, к которой подносили искру. Лично объехав все население и с помощью гонцов, направленных в самые дальние уголки Джунгарии, они за неделю собрали пятитысячное войско. Во главе с Амирсаной оно прибыло в Или и с ходу окружило орду генерала Банди. Попав в неожиданный переплет, генерал Маншын в тот же миг пожалел о том, что не убрал в свое время бунтаря-нояна. Перепуганный до беспомощности, он представил, что может случиться с ним, если живым попадет в руки этих дикарей. Не выдержав, смалодушничал и покончил самоубийством, выпив яд. Вскоре были ликвидированы все до единого дозорные посты, выставленные китайцами в Джунгарии и небольших городках-пикетах. Так, в ноябре прошлого года, года Свиньи, Амирсана все же осуществил мечту всей своей жизни. Он наконец-то занял трон ойратов.

Но это была временная победа. Слишком поздно начавшаяся борьба обернулась для народа большой бедой. Гнев императора Маншын Цяньлуня был настолько силен, что он теперь уже не желал ограничиваться поимкой и казнью смутьяна Амирсаны. Он поклялся стереть с лица земли орду ойратов. Всю зиму шла подготовка войска в Калка-Монголии и Кумыле. А с приходом весны, как только снега чуть подтаяли, он направляет в Джунгарию огромное войско сразу в двух направлениях. А доверяет его своему зятю, ханзаде Калки – Церену, двум генералам Манжуна – Хадахе и Дардане. Южная группа Церена и Дардана пошла через Урумчи и Манас прямо на Или. А северная часть под руководством Хадахи продвигалась через Алтай и Баркытбель, сжигая все дотла и уничтожая каждого попавшего на глаза калмыка.

У Амирсаны же возникла другая проблема. Его провозглашение ханом Джунгарии еще не было узаконено. Здесь не успели созвать курьлтай и по всем правилам назначить контайджи. На это просто-напросто не хватило времени, да мешали разногласия и отсутствие единства

среди населения. Дело в том, что нашлись такие тайджи, которые были за то, чтобы восстановить ханство, но, признавая Амирсану, разделиться на отдельные, самостоятельные улусы. Узнав о том, что войска Маншын перешли через Манас на эту сторону, некоторые недовольные ламы и зайсаны отстранились от всех дел, беспокоясь лишь о своем благополучии. Рядом с Амирсаной осталось около пяти тысяч семей. Что мог предпринять он против могучей силы противника? А южная группа войска Маншын под руководством Церена и Дарданы, преодолев Буратолу и Талкинскую расщелину, уже была на подходе. Зная об этом, Амирсана забеспокоился: его людям угрожало окружение. Во избежание этого он по старой привычке в окрестностях Жаркента перешел в казахские степи.

Иного пути спасения для ойратского тайджи в этот раз не было. Ведь за его спиной теперь были не соотечественники и не соперники, жаждущие престола, а Каганат Маншын, считавший себя хозяином всей восточной Азии. А такие разве не будут преследовать бежавшего нояна? Разве не будут они требовать выкуп за своих погибших воинов и генерала Банди? И этот разоривший Джунгарию карательный отряд разве не может под предлогом поиска беженцев засечь и на казахские земли? Сейчас от него всего можно ожидать. Не дай бог. Тогда будет настоящее кровопролитие. Дело в том, что Амирсана нынче предстал перед казахами не в самом лучшем виде, и они воспринимали его иначе. Он был глубоко виноват перед своим народом, да и здесь оставил глубокие следы, взяв на себя большой грех.

Прибытие анды – брата по клятве, вероятней всего, мало обрадовало и Абылая. Неделю назад Кабанбай получил сообщение из ханской орды. Вид гонца, сменившего нескольких лошадей, не предвещал ничего хорошего. Очень спешным было сообщение о предстоящем ханском совете: “Встретимся на побережье Тоқырауын в середине мая... На границе – враг... Чтобы батыры и бии не оказались несведомленными. Сарбазы пусть готовят оружие и держат лошадей наготове!” – было сказано в ханском приказе. А это означало не что иное, как начало войны. По вине

Амирсаны казахский народ вновь был втянут в еще одну войну.

Услышав о приказе хана, Кабанбай тут же протрубил тревогу и разослал гонцов во все земли рода Найман, территория которых была теперь не то, что раньше. Она заметно раздалась и вдоль, и поперек. Южные границы ее упирались в Алатау и Балхаш, на западе она граничила с Улытау и Жезды, ну, а на востоке уходила до Алтая. Сауыра, Маркаколя и Манырака. Путь же этих черномазых, кишащих, словно муравьи, китайцев, пролегал как раз через восток. Вот почему старший Сардар посылал гонцов к Ергенекам на побережье Иртыша, неустанно держал в курсе событий многочисленные роды Кереев, что находились в Нор-Зайсане, Маркаколе и Маныраке, дал знать о происходящем Каракереям, Матаям и Садырам в Шынгыстау и Жетысу, знакомя всех с приказом хана. Незаметно подошло и время выезда на совет...

Поднявшись с места, Сардар едва направился в аул, как из-за дальнего холма показались верховые. Это возвращались из караула дозорные Шынкожи и Шорека батыров. Остановив коней на приличном расстоянии, они спешили к нему, подойдя к полководцу, приветствовали его. Погворили о том, кто что видел. Но никто не сказал чего-нибудь утешительного. Зато сообщили, что за последние дни участились переходы через границу. Услышав, что "с востока надвигается Китай", дурбиты и торгоауты, расселенные вблизи границы, поспешили на эту сторону. Были среди них и зажиточные баи, зайсаны высшего сословия, люди благородной кости, спасавшие скот... Ничего опасного не предвещало переселение только мирного населения. Широкая казахская степь привечала и согревала множество таких вот людей! Лишь бы не было за ними погони и кровопролития.

II

Время незаметно подвело и к ханскому совету, проведение которого намечалось на побережье Тоқырауын. Группа Найманов во главе с Кабанбаем уже была готова к